

«... Клоун должен быть смешон, но не жалок»

Москва - 1993 - сент. (№ 26) - с. 5.

В одном из самых живописных уголков Подмосквы, в дачном поселке Валентиновка, есть тихая улица с растущими на ней вековыми соснами. Летом здесь живет семья Никулиных. На зеленом заборе прикреплено ярко-желтое объявление: «Осторожно, собаки». Это два чистопородных, усатых и бородатых ризеншнауцера, которые носятся по участку и чувствуют себя полными хозяевами. Сегодня у них особая радость. Хозяин будет с ними целый день.

Предпремьерные заботы остались позади. Премьера состоялась. Хозяин, как бы не желая затрагивать волнующие моменты недавних дней, говорит: «Странный народ — журналисты. Помню, сидел у Кузнецова — главного редактора журнала «Цирк». Он тогда помещался на Неглинной улице. У него в кабинете дачка пристает с просьбой: «Расскажите о животных, пожалуйста. Хоть что-нибудь». Евгений Михайлович говорит ей: «Как раз ваша просьба по адресу. Вот Никулин. Он много знает разных историй». Глаза у него смеются. Мне делать нечего. Начинаю рассказ. Сейчас воспроизведу без деталей, один сюжет. Был один человек. Находился по служебным делам в Африке. Навстречу ему идет слон, хромает. Увидел, что в ноге у слона не то древко стрелы, не то сучок. Вытащил человек занозу, промыл рану. Слон протрубил и почти рысцой побежал. Вскоре человек оставил свои путешествия, осел в большом городе. Лет десять с тех пор прошло. Пошел он как-то в цирк. Там выступает группа слонов. Один, самый крупный слон стоит, а на нем целая пирамида собратей. Вдруг этот самый большой слон протрубил, сбросил собратей и... подошел к человеку, который когда-то был в Африке. Обвил его тело хоботом, поднял в воздух и... с размаху шлепнул о манеж. «Этого не может быть! — закричала женщина. — Такой неблагодарный!»

— Почему неблагодарный?
— Человек ему помог. Спас его. А он?

— А что он? Слон был не тот, которому он оказал услугу. Слон был другой!

— Все равно несправедливо! Разве можно такое?..
А через некоторое время я прочел рассказ с совершенно другой концовкой. «...Слон протрубил хобот, обвил им человека и пересадил с 5 ряда на первый...»

Рассказывая подобные истории, услышанные или придуманные им, Никулин проверял на слушателях реакцию на необычный, нетрадиционный поворот. Большинство реприз и сценок, исполняемых классическим дуэтом Никулин — Шуйдин, имели неожиданную концовку. Наверное, любовь к шутке, розыгрышу, умение выдумать невероятную историю, дополнить ее правдоподобными случаями и фактами, тут же обкатать на публике, хоть «публику» может представлять один-единственный человек, невольно облизывали наши отношения.

Он знает много анекдотов. Главное, что он умеет их прекрасно рассказывать, не выбрасывая слов из песни. Перевоплощается в образ своих героев. В стенах артистической гардеробной на Цветном бульваре состоялось неофициальное состязание между цирком и МХАТом, между артистом театра Станицыным и Никулиным. Более часа они пытались друг другу рассказать «новый анекдот». Рефери поединка — главный режиссер Марк Местечкин на десять минут задержал третий звонок, но увильнул. Счет оказался ничейным. В ход была пущена старая записная книжка — кладовщик анекдотов с выпадающими из нее страницами.

Трудно сказать, какая это была книжка по счету. Но общее количество анекдотов было около семи тысяч. Часть была мимических, часть — неудобопечатаемых.

Впервые воочию увидел эту книжку в старом-престаром доме, в переулке Токмакова, где проживали родители Юры. Владимир Андреевич — драматург малых форм очень скромный, даже несколько застенчивый человек, с обостренным чувством юмора. Мама — Лидия Ивановна работала медсестрой в Институте Склифосовского. От нее веяло человеческой добротой, уютом. Атмосфера в семье была очень доброжелательной. Гостей встречали очень радушно.

О Никулине установилось мнение как о человеке, умеющем вызывать великолепный, здоровый чудо-смех. Иногда он перерастал в гомерический хохот. Во время выступления на манеже он обращался к своему партнеру Шуйдину и совершенно индифферентно произносил: «Миша! А у нас сегодня гости». Раздавался чей-то смешок. «Леня пришел!» Хохот.

Когда он приходил за несколько минут до генеральной репетиции в цирк на проспект Вернадского, зрительный зал, заполненный артистами, работниками Главка, общественностью, все, не сговариваясь, вставали как по команде. Особенно Никулин стал душевно близок после демонстрации фильмов «Пес Барбос», «Самогонщики» очень многим.

Поклонников было несколько категорий. У одной категории буквально висел на устах вопрос: «Третьим будешь?», намекая на ближайший подъезд или подворотню, где из «горла» совместными усилиями можно было осилить поллитровку. В те достопамятные времена всюду были развешены объявления-плакаты «Спиртных напитков не приносить и не распивать». Другая часть видела в поведении артиста гротеск, шарж, осмеяние пьянства как такового. Третьи были восхищены актерским мастерством. Суммируя все мнения, он нравился одним, другим и третьим.

В начале творческого пути молодые, малоизвестные широкой публике артисты исполняли «Сценку на лошади». Это был маленький шедевр большого исполнительского искусства. В то время ни одна киностудия не удосужилась отпустить ни одного метра киноплёнки, чтобы запечатлеть эту сценку для истории, для поколений.

Потом пришла слава, популярность. Артисты стали сразу узнаваемы. В их грим-уборной почти всегда битковой аншлаги. Правда, посетителей с детьми поубавилось, когда в номере у Юрия и Татьяны Никулиных и Шуйдина появился еще один участник — четвероногий партнер. Огромный. Усатый. Лохматый. Ризеншнауцер Дон. Он был известен

не только выступлениями на арене в сценке «Хулиган», но и задержанием опасного преступника-рецидивиста.

Наверное, именно этот пес сумел пробудить к своим собратям особую любовь Татьяны Никулиной. С того момента, как она оставила манеж, все свободное время, которого при наличии внуков не очень много, она посвящает переводам книг с английского языка и является заместителем председателя общественного клуба собаководства.

Двенадцать лет назад торжественный вечер в Калининском цирке подвел некоторый итог самой любимой роли Юрия Никулина — роли циркового клоуна. По его глубокому убеждению, клоун должен быть смешон. Но ни в коем случае не жалок. Слишком долгое пребывание на манеже в этом амплуа может вызвать вместо смеха сострадательно-соболезнующую усмешку.

Автор и соавтор пятидесяти сценариев для цирка, автор моментально разошедшейся автобиографической книги «Почти серьезно», лауреат Государственной премии им. братьев Васильевых, член правления ЦДРИ, член коллегии Министерства культуры, отличник МВД (за фильм «Ко мне, Мухтар»), народный артист Советского Союза Юрий Никулин ушел на покой...

Но покой нам только снится...

Вскоре он стал директором «старого цирка», того самого, в который он пришел около сорока лет назад студийцем — актером в солдатской гимнастерке. Правда, было еще более раннее посещение цирка в пятилетнем возрасте. Вернувшись домой, переполненный впечатлениями всего увиденного, он заявил: «Я буду клоуном». Путь к мечте был долгим. Дороги длинные и трудные... Сначала «финская кампания», потом Великая Отечественная...

Одним из многих тысяч, кто был на фронте, сначала защищая Ленинград, а затем принимая участие в прорыве блокады, был разведчик 6-й батареи 115 зенитно-артиллерийского полка, молодой Юрий Никулин. Начавшаяся в январе 1943 года операция по прорыву блокады завершилась в феврале 1944 года. Враг был отброшен. Впереди необозримый Невский простор.

На террасе вместе с внуками сидит убаюканный сединами человек. Они рассматривают фотографии. «Не хо-

тел касаться этой темы. Но не могу. В этом году исполнилось 50 лет прорыва блокады. Это было спасением многомиллионного города. Его исторических, архитектурных шедевров. Да и для русской культуры в целом. Правда, я попал к Невским берегам уже в феврале 1944-го».

Столь необычное для Москвы название премьеры «Невский простор» имеет несколько определений. Здесь и личные воспоминания, и дань уважения к нашим воинам. Кроме того, в постановке программы морально и материально принимало участие акционерное общество с одноименным названием. Да и кроме всего, «Невский простор» — поэтическое словосочетание. Премьера — всегда волнение. Напряжение. Размещение прибывших артистов. Изготовление декораций. Формирование программы...

Режиссер-постановщик программы Виктор Плинер в прошлом артист, участник и создатель номера «Икарские игры». Более четверти века работает в нашем цирке. За свою плодотворную деятельность создал около сотни номеров. Из его номеров можно было бы создать несколько полновесных программ. В этой программе только треть его выпускников. Он приверженец классического цирка.

Можно говорить о достоинствах одного номера, о некоторых недочетах другого. Главное в другом, что, по мнению специалистов, подобного спектакля не было лет 15.

«Знаешь, — меняя тему разговора, произносит Никулин, — жила-была семейная пара. Он — летчик, она — домохозяйка. Был у них кот, от которого они решили избавиться. Отвозили за город. Оставляли в лесу. Через день-другой он возвращался. Решил муж сбросить кота на парашюте... Забрал летчик кота. Ушел. К жене пришла подруга. Беседуют. Хозяйка все время поглядывает на часы. Подруга задает вопрос: — Что все время смотришь на часы? Ты что, волнуешься? — Да. Время уже восемь часов. Кот вернулся, а мужа нет! Вот я напоминаю себе эту хозяйку. Там идет спектакль. Я — здесь, в отпуске. И все равно волнуясь. Как там?»

Леонид Бабушкин
Фото автора

● Не смей ходить к морю! Если утонушь, то лучше тебе не возвращаться!

● Один приятель обращается к другому:

— Давай завтра сходим в кино.
— Завтра не могу.
— А послезавтра?
— Не могу.
— Почему?
— Кацнельсон играет.
— Ты такой меломан?
— Нет. Когда играет Кацнельсон, я хожу к его жене.

● Диалог:
— Моя жена — ангел.
— Счастливеец, моя еще жива.

● С высотной стройки летят вниз два кирпича. Один говорит другому:

— Сегодня погода не летная...
— Черт с ней, с погодой. Лишь бы человек попался хороший.

● Директор цирка просматривает номер. За фортепьяно сидит крокодил и аккомпанирует. На крышке рояля сидит обезьяна и поет.

— Номер беру! — заявляет директор. — Но скажите откровенно, так ведь быть не может.
— Вы правы. Крокодил играет и поет. А обезьяна только открывает рот.

● Один петух говорит другому:

— Пойдем в гастронорм!
— Зачем?
— На голых курочек посмотрим.

● Идут по пустыне два верблюда. Один — другому:

— Что бы про нас люди ни говорили, а пить-то хочется.

● Сидит ворона на суку и видит, что на дерево лезет корова.

— Ты что лезешь на дерево?
— Яблочек хочу поест.
— Так это же береза!
— А они у меня с собой!

09.03

Никулин Юрий